

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Русская цивилизация: реальность и перспективы Рецензия на книгу: Лексин В.Н. (2016) Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диагностики. М.: ЛЕНАНД.

И.Б. ОРЛОВ*

***Игорь Борисович Орлов** – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя, Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: iOrlov@hse.ru

Цитирование: Орлов И.Б. (2017) Русская цивилизация: реальность и перспективы // Мир России. Т. 26. № 3. С. 194–212. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-194-212

Изучению цивилизаций и русского народа посвящено много публикаций, но идея их соединения в книге «Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диагностики», вероятно, реализована впервые, и, следует признать, весьма успешно. Автором, досконально изучившим этот предмет (в книге проанализирована почти тысяча публикаций и представлены результаты собственных исследований), преодолен соблазн академического теоретизирования. Основу авторской концепции составляют три положения: (1) цивилизации понимаются как реальные исторические феномены с четкими характеризующими их признаками и своеобразными жизненными циклами; (2) Россия является мультицивилизационной структурой (по определению автора, «цивилизационной конфедерацией» или «цивилизационным конгломератом»), внутри которой связующую и формообразующую роль играет русская цивилизация при том, что остальные цивилизационные компоненты страны, независимо от их масштабов и пассионарности, признаются самоценными и необходимыми для складывания российского цивилизационного конгломерата; (3) современное состояние русской цивилизации представлено как кризисное, характеризующееся самой мощной трансформацией ее основ за все время существования.

В книге предложены результаты системной диагностики всех аспектов русской цивилизации: национальной ментальности, пространства и демографических характеристик русского мира, русского языка, русской культуры и религиозности. Автор буквально под микроскопом рассматривает причины и следствия слабой национальной самоидентификации современных русских людей, пристрастия к уничижительным самооценкам и болезненного отношения к темным «пятнам» своего прошлого. В книге для обозначения совокупности этих явлений предложен термин «этномазохизм».

Один из ключевых вопросов – это условия существования и причины гибели цивилизаций. Они детально рассмотрены в первой части книги, где на обширном фактическом материале показано, что цивилизации гибнут не от силы их противников, а от собственной слабости, массового отказа от основополагающих цивилизационных ценностей и от той слабости, которая отличает одну цивилизацию от другой. Слабость современной русской цивилизации, по твердому убеждению автора, состоит в «презрительно-скептическом» отношении значительной части русских к собственным цивилизационным ценностям, в пренебрежении языком русской цивилизации, в безразличии и неразборчивости в отношении к иноцивилизационным заимствованиям.

Ключевые слова: цивилизации, русская цивилизация, национальная самоидентификация, менталитет, русский язык, культура, религиозность, вариативность

Несколько слов об авторе в журнале «Мир России»

Читателю журнала «Мир России» вряд ли нужно представлять автора книги «Судьбы цивилизаций и русский вопрос». Цивилизационная тематика – давний предмет интересов Владимира Николаевича Лексина, зафиксированный во многих его работах. Значительная их часть связана с этим журналом и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», где доктор исторических наук, ординарный профессор и председатель Редакционного совета журнала «Мир России» О.И. Шкаратан инициировал несколько лет назад создание научного семинара «Типы цивилизаций и характер социально-экономического развития», а автор монографии, о которой идет речь, принимал активное участие не только в работе семинара, но и в подготовке его итоговой монографии «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» [Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015]. Журнал «Мир России» неоднократно предоставлял свои страницы для публикации статей по цивилизационной тематике и фрагментов будущей книги «Судьбы цивилизаций и русский вопрос» [Лексин (1) 2005; Лексин (2) 2005; Лексин 2008; Лексин 2009; Лексин 2010; Лексин 2012; Лексин 2014]. Теперь, когда эта книга издана, читатели журнала могут оценить в полном объеме многолетний труд автора вкупе с представленными здесь размышлениями по этому поводу. Хотелось бы оправдать надежды автора на то, что если книга, пусть и «ничего не изменит» в характере движения русской цивилизации по пути перемен, то, «может быть, <...> побудит задуматься о его сути и последствиях» [Лексин 2016, с. 787].

Концептуальная триада

О цивилизациях и русском народе написано много (в книге В.Н. Лексина есть ссылки на сотни соответствующих публикаций, в том числе новейших), но работу автора выделяют не только ее энциклопедичность, но и три важнейших концептуальных основания. При этом существенно, что автор – сторонник мультицивилизационной модели мира (и России!), и с этой позицией нельзя не согласиться.

История свидетельствует о длительном или непродолжительном сосуществовании множества цивилизационных сообществ. К примеру, один из основоположников французской школы «Анналов» Люсьен Февр соотносил количество цивилизаций с численностью исчезнувших или живущих народов и племен [Наринский 1995, с. 96]. Ни юридическое признание равенства прав народов, ни идея универсальности культур не снимают того обстоятельства, что творческие роли народов в истории, в том числе и их потенциалы цивилизациогенеза, различны.

Цивилизационное разнообразие проявляется даже в символическом восприятии одного и того же цвета, и упомяну в связи с этим о том, что еще Джон Бирлайн подчеркивал значение «общего символизма» в объединении граждан и образовании государства [Бирлайн 1997, с. 30], поскольку этот принцип работает и на цивилизационном уровне. Сравнивая цвета государственных флагов различных стран, мы видим, что символика белого цвета варьирует от снега (Исландия, Чили и Финляндия) и пляжей (Антигуа) до христианского символа чистоты (Тонга). Чаще всего белый цвет в государственных флагах расшифровывается как символ мира, чистоты и справедливости. Кроме того, тот или иной символ государственности у разных народов окрашен различно: например, символ равенства в различных культурах обозначается белым (Тринидад и Тобаго), желтым (Эфиопия, Гвинея), красным (Парагвай, Намибия) и синим (Колумбия). Даже солнце на флагах государств присутствует в диапазоне четырех цветов: белого, желтого, красного и красно-оранжевого. Поразительно, но и революция, традиционно связываемая с красным цветом, на флаге Ливии имеет зеленый цвет, на флаге Судана – черный, а на флаге Франции – сине-красный. Согласно трактовке символики цвета, о богатстве (изобилии, благосостоянии) мечтают только 8 стран третьего мира, тогда как единство (солидарность) важнее для 11 стран¹, свобода является высшей ценностью для 13 стран², а мир – для 27³. То есть свобода как ценность актуализирована прежде всего для европейских стран, а состояние мира представлено как ценность почти во всех регионах. Еще раз подчеркну: даже цветовая символика государственных флагов указывает на то, что большинство стран выстраивают свою геральдическую систему, исходя из особо значимых (в том числе сакральных) для данного народа высших ценностей, характерных для соответствующих цивилизаций.

Автор, отдавая должное своим предшественникам и коллегам, пытавшимся противопоставить однополярной модели мира многополярную модель межцивилизационного диалога, предлагает – и концептуально, и содержательно, и даже «архитектурно» (по структуре и дидактике текста) – новое прочтение старой проблемы. Говоря о зыбкости любых безальтернативных суждений о цивилизациях, о безбрежности пространства современной цивилизации и о контекстности самого понятия «цивилизация», В.Н. Лексин актуализирует вопрос о том, что представ-

¹ Вануату, Гамбия, Гвинея, Гренада, Казахстан, Камерун, Малайзия, Намибия, Парагвай, Сьерра-Леоне, Тринидад и Тобаго.

² Алжир, Болгария, Доминиканская Республика, Колумбия, Литва, Монголия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Сан-Марино, Суринам, Франция, Эфиопия.

³ Болгария, Бурунди, Гамбия, Джибути, Зимбабве, Индия, Ирландия, Кабо-Верде, Казахстан, Кипр, Конго, Лесото, Ливан, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Оман, Панама, Парагвай, Перу, Сан-Марино, Свазиленд, Судан, Узбекистан, Филиппины, Экваториальная Гвинея, Эфиопия.

ляет цивилизация как сегодняшняя реальность [Лексин 2016, с. 48, 66]. Авторская концепция основывается на трех гипотезах (особо отмечу, что в книге все рассмотренные суждения о сути цивилизаций и русском вопросе называются не теориями, а гипотезами).

Первым концептуальным основанием исследования В.Н.Лексина является авторское видение цивилизаций не как плода мыслительной деятельности ученых, а сгустков полнокровной *жизненной действительности*, отличающихся друг от друга не столько в хронологическом, сколько в сущностном плане. Поэтому цивилизации показаны в книге как нечетко локализованные во времени и пространстве (действительно, где, например, географические границы западной цивилизации) и не всегда оформленные в виде единого государства общности людей, консолидированные относительно однообразными представлениями о жизненных ценностях, со сравнительно устойчивым воплощением в индивидуальное поведение, в организацию общественной жизни, в формирование материальной культуры и социальные институты.

Для автора суть и особенность каждой цивилизации определяются прежде всего самобытностью менталитета ее носителей, собственным или общим наднациональным языком, господствующей или основными сосуществующими религиями, потенциалом саморазвития и экспансии, а также присущим каждой цивилизации особым качеством материальной составляющей – от градостроительства и архитектуры до склонности к распространению технических новшеств и средств труда. Также в основу различения цивилизаций В.Н. Лексиным положено их деление по отношению людей к богатству и бедности, по стремлению к потреблению и присвоению материальных благ. Как показано в книге, цивилизации существуют в собственном пространстве и времени, являющимися важнейшими факторами формирования их особенности, характеристиками их устойчивости и долгожительства. Именно особенность (отличие), по мысли автора, выступает важнейшим условием самоидентификации цивилизаций. Поэтому не случайно, что для доказательства реальности цивилизационного бытия автор избирает пример еврейской цивилизации – одной из наиболее особенных, долгоживущих и обладающих огромным потенциалом устойчивости [Лексин 2016, с. 133–147].

Вторым концептуальным основанием авторской идеи является тезис о цивилизационной идентификации России как о «*цивилизационной конфедерации*» и «*цивилизационном конгломерате*», в структуре которых русская цивилизация хотя и предстает самой крупной и системообразующей, но лишь одной из нескольких. Ученый не усматривает в России признаков *единой* цивилизации и задается вопросами о том, что может выступать в качестве общих цивилизационных признаков. «Ментальность? Язык? Религиозность? Навыки хозяйствования? Культура? Не следует и пытаться найти *общность* этих признаков не только у теперешних жителей республик Северного Кавказа и у населяющих бескрайние пространства российской Арктики представителей малочисленных коренных народов Севера, но даже у православных и мусульман, сосуществующих на территории Республики Татарстан». В доказательство своих слов он приводит ссылки на новейшие исследования, фиксирующие на территории нашей страны «культурно (религиозно) – цивилизационный анклав в Поволжье, адыгейскую и бурятскую цивилизации, кавказскую и северную цивилизации, в прошлом – советскую, в перспективе – северо-восточную цивилизации и ряд других» [Лексин 2016, с. 293–294].

Характеризуя уникальную многоцивилизационную суть России, автор показывает, что все без исключения цивилизационные компоненты страны, независимо от их масштабов, пассионарности, силы притяжения и отторжения, самоценны и одновременно необходимы для складывания специфического цивилизационного конгломерата. Видимо, этим объясняется многообразие определений российской цивилизации в различных исследованиях как «русской», «евразийской», «православной», «восточно-христианской» и пр.

В.Н. Лексин, рассматривая идентичность как «отношение, возникающее в процессе социальных, политических, национально-этнических и иных коммуникаций», справедливо полагает, что «<...> многие государства и суперэтноты закрепляют свою цивилизационную идентичность в своеобразных “символах веры”, формулируя промыслительные судьбы стран и народов в виде “национальной идеи”. Такая “идея” чаще всего есть вербализация системы ценностей <...>» [Лексин 2016, с. 88, 91]. Считается, что понятие «национальная идея» в России появилось только в XIX в. (тогда она называлась «русской идеей»), и ее становление и последующие интерпретации связаны с именами В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, И.А. Ильина П.А. Флоренского и др. Можно считать, что у истоков этого понятия стоял А.С. Хомяков со своей концепцией «соборного спасения во Христе», но впервые термин «русская идея» употребил именно Ф.М. Достоевский, а позднее доклад с тем же названием сделал С.М. Соловьев. При всем смысловом многообразии («соборность» или «единение святости и любви» у А.С. Хомякова, «всеединство» у В.С. Соловьева, «вселенское служение» у В.И. Иванова, идея «созерцающего сердца» у И.А. Ильина, «идея коммунальности и братства» у Н.А. Бердяева, принцип «нравственного солидаризма» у Н.К. Михайловского) русские мыслители были сходны в том, что для русского человека «спасение» ассоциируется не с индивидом, а с коллективом, объединенным по духовным принципам. В концепции четырехмерности И.А. Ильина русская идея включает в себя русскую религиозность, русское искусство, русскую науку и русское право [Ильин 1993, с. 430–431]. Но при этом очевидно, что Россия практически никогда не имела четко сформулированной национальной идеи, и, возможно, следует говорить не об одной национальной идее, а о ряде «национально-адаптированных идей, доминирующих в идейном спектре данной страны» [Национальная идея и жизнеспособность государства 2009, с. 118]. Константой многие ученые называют культуру, носителем которой выступает язык [Социогенетические и политэкономические корни России 2009, с. 64, 65.], хотя такой постоянной величиной можно считать и жизнестойчивость народа, а в сфере экономики – труд [Социогенетические и политэкономические корни России 2009, с. 73]. Проблема формирования национальной идеи тесно связана с духовным выбором народа, а ее масштабы – с цивилизационным измерением. Национальная идея нежизнеспособна, если она не базируется на цивилизационных ценностях и становится идеологическим суррогатом и если хотя бы частично не отражает их. Не исключено, что лейтмотивом русской национальной идеи на современном этапе могло бы стать осознание особой роли русского народа в сохранении России как уникального цивилизационного конгломерата.

Третьим концептуальным основанием книги В.Н. Лексина является исследование русского вопроса с точки зрения проблем *современной* русской цивилизации. Автор пишет не столько о славном прошлом русского народа, традиционно

находящемся в центре внимания большинства исследователей данной проблематики, сколько о современности, преимущественно сформированной предреволюционным, советским и постсоветским бытием русского народа. Он показывает «русскую цивилизацию начала XXI столетия как все еще *реальную* общность <...> людей с сокращающейся численностью и постепенной утратой цивилизационных ценностей (глава 2.1), со специфическим менталитетом (глава 2.2), со своим языком (глава 2.3), с латентно-православной традицией (глава 2.4), с принципиальными изменениями в культуре (глава 2.5), с почти исчерпанным потенциалом пространственной экспансии, с гигантскими возможностями саморазвития и с крайне слабым стремлением к использованию этих возможностей [Лексин 2016, с. 781].

Ученый считает, что именно сейчас происходит самая энергичная в истории русской цивилизации трансформация всех ее основ, по сравнению с которой петровская европеизация представляется поверхностной и, главное, навязанной. Вся книга от начала и до конца исполнена предупреждениями о последствиях начавшегося кризиса величайшей цивилизации мира в ее недавнем и современном обличье и о роли в этом кризисе прежде всего русских людей. Автор убеждает, что «цивилизации гибнут не из-за силы нападающих, а из-за собственной слабости, и это в равной степени относится и к цивилизации Запада, и к нашей русской цивилизации. И слабость эта состоит не в ненадежности военно-оборонного комплекса и не в провалах экономической политики, а в *презрительно-скептическом* отношении многих русских людей к складывавшемуся столетиями защитному поясу русских цивилизационных ценностей, в *небрежении* языком русской цивилизации, в *безразличии* к агрессии иноцивилизационных экспансий, в легкомысленной *неразборчивости* по отношению к иноцивилизационным заимствованиям, в *стыдливости* по отношению к собственной национальной ментальности» [Лексин 2016, с. 781–782]. «Будем честными, – с горечью констатирует В.Н. Лексин, – дело в нас самих, в нашей равнодушии к судьбе собственной цивилизации, в том, что мы в большинстве своем “отказники” от своих цивилизационных ценностей» [Лексин 2016, с. 782].

Содержательные особенности

Книга «Судьбы цивилизаций и русский вопрос» отличается от многих публикаций такого рода и содержательным раскрытием указанных ранее концептуальных оснований в тексте ее разделов и глав. Заметим, что уже в первых строках «Введения» автор отмечает, что он сознательно сводит вместе «<...> два сюжета: судьбы цивилизаций как своеобразных феноменов исторического бытия и судьба русской цивилизации как самого удивительного из этих феноменов», – оправдывая это соединение тем, что «никогда еще цивилизационная проблематика и русский вопрос не сходились столь близко и не были в своем содержательном и методологическом единстве столь актуальными» [Лексин 2016, с. 10]. Отмечу в связи с этим, что само понятие «цивилизация» превратилось в привычный компонент обиходной речи политиков и политологов, журналистов и телеведущих, экономистов и социологов, искусствоведов и культурологов. Общим местом стали и сомнения в том, что идеи либерализма, демократии и другие ценностные основания

современного западного общества укоренятся и в неизменном виде послужат главным ориентиром развития любых государств, и уверенность в том, что немалую роль в развитии этих государств продолжают играть незамечаемые по той или иной причине адептами глобального универсализма цивилизационные особенности больших и малых общественно-политических, социально-экономических и бизнес-сообществ.

В странах Запада, а в последнее время и в России очередной всплеск интереса к цивилизационной проблематике был в значительной степени связан с попытками (в ряде случаев успешными) внедрения в общественное сознание представлений о непримиримых цивилизационных сообществах, описанных, в частности, Самуэлем Хантингтоном. В нашумевшей статье *The Clash of Civilizations* он утверждал, что хотя нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и социальными (в том числе, конфессиональными) группами, принадлежащими к разным цивилизациям [Huntington 1993, pp. 22–49].

Распад СССР и вестернизация многих сторон жизни современной России, а также декларируемое с высоких трибун стремление к вхождению в мировое сообщество побуждают к системному обсуждению возможностей и, главное, целесообразности сохранения цивилизационной идентичности как таковой. Необходимо найти ответы на вопрос, уместно ли говорить о русской цивилизации как о существующей реальности. Существуют ли настоящие угрозы самому ее существованию, в чем они состоят и от кого исходят? Что стоит за явным неприятием Западом (да отчасти и Востоком, и Югом) современной России: проявление столкновения цивилизаций или что-то иное? И, наконец, сохранит ли свою злободневность проблема «судьбы цивилизаций и русский вопрос» в историческом завтра? В логике автора книги ответы на эти и подобные вопросы можно найти только в том случае, если задающие их отдают себе отчет, что такое цивилизации, что определяет их жизнеспособность и циклы жизни, что такое цивилизационные экспансии и цивилизационные взаимодействия и почему, в конце концов, цивилизации умирают? Системный компендиум знаний по этим вопросам изложен автором в первой части книги («Цивилизации: гипотезы и реальность»), которую можно рассматривать как своеобразное понятийно-методологическое основание текстов второй части под названием «Русская цивилизация: домислы и реальность».

Архитектура текста

Разнообразие и многослойность предмета исследований В.Н. Лексину удалось уложить в непротиворечивое и логически структурированное целое. В значительной степени это получилось потому, что в рецензируемой книге, как и в других монографиях и статьях автора, очень четко (отчасти педантично) организована архитектура текста. Как уже указывалось, книга состоит из двух частей («Цивилизации: гипотезы и реальность» и «Русская цивилизация: домислы и реальность»), каждая из которых делится на пять глав, каждая глава – на пять разделов (то же – во «Введении» и в «Заключении»), а каждый раздел – на три тематически самостоятельных фрагмента. Семистраничное (!) оглавление кни-

ги, включающее 160 заголовков, позволяет не только сразу видеть тематическую структуру огромного текста, но и сделать ее своего рода путеводителем по современной цивилизационистике.

Предлагаю в качестве наглядного примера структурирование и исследовательскую логику автора. Глава 1.2 «Сущностные основания цивилизационного бытия» имеет типичную для остальных глав структуру. В открывающем эту главу разделе «Цивилизационные ценности, оценки и соизмерения» В.Н. Лексин последовательно анализирует суть сложнейшего и дискуссионного понятия «цивилизационные ценности», содержательно характеризует аксиологическую методологию и как ее направление – цивилизационную аксиологию, обсуждает возможности и ограничения аксиологического соизмерения цивилизаций. В следующем разделе, «Цивилизационный менталитет и национальное мировидение», ученый раскрывает смысл этих неоднозначно трактуемых понятий, реконструирует историю исследований феномена ментальности и предлагает собственную оригинальную схему соотношения менталитета, мировоззрения и мировидения. В разделе «Языковая репрезентация цивилизаций» В.Н. Лексин, основываясь на классических текстах В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни, П.А. Флоренского и позднего Л. Витгенштейна, М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева, ряда современных ученых (В.В. Библихина, Ю.Д. Апресяна, А.А. Зализняка, Анны А. Зализняк, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, О.А. Корнилова, И.Б. Левонтиной, Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова, А.Д. Шмелева и др.), а также на фундаментальном исследовании Т.Б. Радбиля о языковом менталитете [*Радбиль* 2012], обстоятельно анализирует причины языкового своеобразия цивилизационных сообществ и практику правовой защиты национальных языков в разных странах. В следующем разделе этой главы, «Религиозные основания цивилизаций. Слово и эхо», автор предлагает уяснить смысл понятия «религиозные ценности», демонстрирует, как эти ценности размываются в западной цивилизационной среде (становятся «эхом» божественного Слова), и показывает современные религиозные мотивации людей разных цивилизаций. Наконец, в заключительном разделе этой же главы 1.2, «Цивилизация как реальность. Конкретный пример», автор сводит вышеизложенные характерные черты цивилизационного бытия воедино на любопытнейшем портрете уникальной еврейской цивилизации. И все это – лишь в границах всего 50 страниц одной из десяти глав 800-страничной книги [*Лексин* 2016, с. 95–147]. Замечу, что во второй части книги (о русской цивилизации) все положения этой главы зеркально отражаются в соответствующих главах о русском менталитете, языковом фундаменте русской цивилизации и т.п.

Также представляет интерес пример целостности и законченности повествования даже при характеристике самых, казалось бы, обыденных явлений русской цивилизации. В главе 2.5 «Русская культура», в разделе 2.5.4 «Русское народное творчество», есть уместившийся всего на двух с половиной страницах фрагмент о русском самодеятельном художественном творчестве – русском примитиве, которое для автора «естественно, старше профессионального, но публичный интерес к нему как к особому виду изобразительного искусства проявился лишь в конце 19 в., примерно тогда же, когда во Франции мэтры тогдашнего авангарда открыли для себя и публики энергию и красоту картин “таможенника” А. Руссо. В США бум интереса к “примитиву” в 40–50 гг. прошлого века был связан с многочисленными работами “бабушки Мозес” на темы традиционной фермерской жизни (в Москве

выставка ее картин была показана в начале 60-х годов прошлого века). Подлинные шедевры сельского “примитива” были созданы в середине 20 в. знаменитым хорватским мастером живописи по стеклу Иваном Генераличем. В России же первой выставкой “примитива” стал показ в 1913 г. картин Н. Пиросмани» [*Лексин 2016, с. 755*]. Ученый замечает также, что «характерные особенности “примитива” – работа “от души”, а не “на заказ”, повседневно-жизненное знание предмета и умение его типизации, врожденное чувство гармонии цвета и формы, минимализм художественных средств, лиризм, естественность архетипизации и фольклорности изображаемого (от пейзажа до портрета) – делали “примитив” *одновременно андеграундом и авангардом русского искусства*» [*Лексин 2016, с. 755*]. Он называет в связи с этим знакомые ему по выставкам и публикациям имена и произведения самых известных русских мастеров народной живописи – Е.А. Волковой, В.В. Григорьева, Е.И. Медведевой, Е.В. Честнякова, П.П. Леонова, И.Е. Селиванова, Н.А. Северцовой-Габричевской, В.Т. Романенкова и ряда других наших современников со своими творческими биографиями, абсолютно индивидуальным почерком и художественными пристрастиями. «Творческая фантазия народных художников, – пишет В.Н. Лексин, – зачастую богаче, чем у многих профессионалов» [*Лексин 2016, с. 758*]. Он, в частности, приводит пример картины «Цирк» работавшего штукатуром самодеятельного художника П.П. Леонова: «цирковое представление идет в пространстве, ограниченном огромной (почти во всю стену) красивой рамой; в самой комнате обедают люди, и лишь одна женщина наблюдает за происходящем на арене (дикие звери и дрессировщик с обручами), а сама арена окружена деревьями, каналом с кораблями и шоссе с автомобилем» [*Лексин 2016, с. 755–757*]. В книге, к сожалению, нет иллюстраций, но автор столь умело описывает работы самодеятельных русских художников, что образ их произведений становится почти зримым.

Немаловажно, что поименованные и цитируемые в книге труды философов и историков, размышления об особенностях архитектурного псевдорусского стиля и о стилевых отличиях иконы и ренессансной религиозной живописи, очерк музыки современных православных композиторов и остальные сюжеты книги являются результатом лично прочитанного, увиденного и услышанного автором без почти обязательного сейчас обращения к услугам Интернета. Текст книги «Судьбы цивилизаций и русский вопрос» свидетельствует о глубокой погруженности автора в предмет его исследований, и это не может не чувствовать ее читатель, которого В.Н. Лексин умело ведет сквозь свое повествование.

Прежде всего, обращает на себя внимание весьма необычное «Введение», в котором автор приглашает читателя стать очередным «неназванным соавтором» и делится с ним «кухней» подготовки книги. Раздел «Неназванные авторы и слова благодарности» можно считать эталоном высокой академической и человеческой культуры. И на протяжении всей книги бросается в глаза уважение к читателю, которого В.Н. Лексин позиционирует как равного себе собеседника, избегая менторского тона и морализаторства. Он нередко оставляет за самим читателем выбор в пользу той или иной авторской гипотезы, не давая на него грузом авторитетов прошлого и не покупая конъюнктурным мейнстримом настоящего. Обладая феноменальным объемом энциклопедических познаний практически во всех сферах гуманитаристики, автор находит удивительную форму передачи этих познаний читателю, используя глаголы «напоминаю», «вспомним, что...» и т.п.

Системная методология

Книга «Судьбы цивилизаций и русский вопрос» интегрирует многолетние исследования автора по истории, регионалистике, культурологии, религиоведению, языкознанию, экономике и политологии, что стало возможным при корректном использовании специальной методологии, которую В.Н. Лексин в течение последних десятилетий разрабатывал и апробировал в Институте системного анализа РАН. Она была названа системной диагностикой социально-экономических и общественно-политических процессов и явлений с использованием оригинальных процедур междисциплинарного синтеза.

Одним из компонентов системной диагностики социально-экономических и политических процессов и явлений стал алгоритм обнаружения в этих процессах и явлениях присутствия (или доказательства отсутствия) сколько-нибудь значимых особенностей (признаков, факторов), определяемых конкретной цивилизационной принадлежностью, с оценкой степени позитивного или деструктивного воздействия таких особенностей на различные стороны цивилизационного бытия. Это позволило автору установить, насколько и в какой форме (открыто или имплицитно) конкретные цивилизационные особенности и определяющие их цивилизационные ценности переходят (или ранее перешли) в повседневное бытовое общение и в дипломатический протокол, в обычаи ведения бизнеса и в государственное устройство, в отношение к собственной и чужой жизни и смерти и т.п. Одним из результатов такого анализа становится знание того, являются ли конкретные цивилизации чем-то реальным или выступают всего лишь симулякрами, используемыми для удобства исторических или политических описаний.

Очевидно, что авторская позиция системно-диагностического подхода к анализу и оценке сложнейших цивилизационных явлений не приемлет одномерных характеристик. Именно поэтому в книге с одобрением цитируется фрагмент статьи доктора исторических наук и главного научного сотрудника Института социологии РАН А.А. Галкина: «Русский этнос – стержень российской государственности – сложился и развивался на стыке различных цивилизационных влияний: духовно-наследия Римской империи преимущественно в германизированном варианте, Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, и так называемого “поля” – культуры кочевых народов, с которыми русские княжества соседствовали веками. <...> Возник миф о том, что Россия не имеет традиций самоуправления, а менталитету русского народа свойственны черты покорности и терпения, непритязательности и неверия в свои силы, пассивности, которые цепко держат Россию в орбите авторитарной традиции, от чего давно избавилась европейская цивилизация. <...> В истории России были события, которые вырабатывали в общественном сознании народа иные качества. Суровые условия существования не только способствовали, но нередко препятствовали доминированию авторитарных начал государственной власти. <...> На этой почве сформировались такие черты русского национального характера, как вольнолюбие, стремление к самостоятельности в решениях и действиях, иронически-насмешливая реакция на поступающие сверху указания и законы, склонность к анархии. В русской ментальности черты авторитарной культуры причудливо переплелись с чертами демократической культуры. Толерантность и нетерпимость, покорность

и бунтарство, повиновение и самостоятельность, пассивность и взлеты активности – эти, казалось бы, несовместимые свойства спрессованы исторической памятью народа в его сознании, определяя противоречивость русского национального характера» [Лексин 2016, с. 419–420]. Поэтому почти вся глава 2.2 второй части книги содержит результаты исследования этой противоречивости как важнейшей черты русской ментальности.

Автор со ссылками на социологические исследования анализирует причины и следствия крайне слабой национальной самоидентификации современных русских и парадоксы их пристрастия к уничижительным самооценкам, знакомым нам по публикациям ряда известных писателей и журналистов и по выступлениям современных адептов культурной революции. Автор констатирует факты необъяснимо болезненного отношения русских людей к темным страницам прошлого (в книге для обозначения этого явления предложен термин «этномазохизм»), сопоставляя это с ситуацией в Великобритании, в свое время лишившейся статуса мировой империи. В книге этномазохистское поведение и мировосприятие приписываются именно русским, и (как пример от обратного) приводится анализ школьного воспитания национального самоуважения в Республике Татарстан [Лексин 2016, с. 420–433].

Объективность и дефиниционная строгость

В рассуждениях о цивилизациях и национальном вопросе трудно остаться объективным. Пример тому – приведенные в книге как русофобские, так и русофильские тексты известных политиков и ученых. Автор, однако, стремится остаться на стороне научной истины вне зависимости, относится ли это к рассуждениям о русском менталитете, русской религиозности или русской культуре. «Те, – пишет В.Н. Лексин, – кто находят обоснования уважительного отношения к самобытности русского народа <...>, называют в числе позитивных и деятельно конструктивных черт национального менталитета соборность (в более простой версии – коллективизм), православность, приоритет духовных ценностей над материальными, державность (в том числе представление об особой значимости своей государственности), патриотизм и т.п. “Соборность или коллективизм?” – скажут их оппоненты – да, русский человек груб в отношении с людьми, он может только с усилием подчиняться воле коллектива, он всегда “на особинку” в мыслях и поступках. “Православность?” – но если она и была, то что от нее осталось, и кто живет по-православному? “Примат духовных ценностей?” – посмотрите на рейтинги грубо развлекательных телепередач, вспомните о пьянстве, о русской бытовой матерщине, о немотивированной жестокости русских подростков. “Державность?” – кто из русских хотя бы почесался, когда разваливалась Российская Империя? “Патриотизм?” – да, но только в том случае, если угрожает смертельная опасность (отечественные войны), а в обычной жизни больших хулителей своей страны и своего народа не сыскать. Спор бесконечен, и если не принимать во внимание историко-культурное содержание понятия “менталитет”, можно считать правыми и тех, и других, при том что, как водится, между полярными точками зрения лежит не истина, а проблема: проблема исходной заданности аргументов» [Лексин 2016, с. 409].

Это и стало одной из причин того, что у автора появилась необходимость написать и представить читателю первую часть книги, касающуюся сути цивилизаций как таковых и реального наполнения наиболее часто используемых в соответствующих текстах дефиниций. Характерно разъяснение постоянно встречающегося слова – «русские», под которыми автор понимает сообщество, состоящее из этнических русских и из той части людей других национальностей, которую отличает хорошо ощущаемая ими (и видимая со стороны) специфическая русская ментальность, русский язык как родной, подсознательное единство с миром русской истории, культуры и православия (что совсем не означает личностное православие), а также ряд других идентификационных признаков, детально рассмотренных в главах 2.1 «Русская цивилизация в “цивилизационной конфедерации” России» и 2.2 «Самоидентификация русских и русский менталитет». По каждому из перечисленных в этих главах признаков (как и по их совокупности) существует множество словесных клише, чаще всего негативного характера. Причем в их справедливости мало кто сомневается. Типичный пример такого клише относительно русской этничности – выражение «поскреби русского – найдешь татарина»⁴, в том числе основанное на нелепом убеждении о массовом смешивании крови людей средневековой Руси и Золотой Орды. Эти измышления тиражируются с разными целями, несмотря на то, что они были развенчаны в фундаментальных исследованиях наших отечественных антропологов еще в 1980–1990-х гг. [*Хить* 1983; *Хить, Долинова* 1990]. На обширном эмпирическом материале с использованием новейших биолого-генетических методик было доказано, что в нашей стране, даже проживая в пределах одного региона, представители разных рас и этнических групп (за исключением микроареалов активной метисизации, например, территории проживания камчадалов) никогда не подвергались тотальному смешиванию (по расчетам экспертов, максимальная доля этнического смешения не превышает 9%).

В.Н. Лексин уточняет и такие широко распространенные словосочетания, как «цивилизация Запада» (она же – «западная цивилизация», «атлантическая цивилизация» или просто «Запад»), «цивилизация Востока» (или просто «Восток»), «глобальная (мировая) цивилизация», «цивилизация Модерна» и «цивилизация постмодерна». Ученый пишет, что под «цивилизацией Запада» следует понимать группу государств, народов и их лидеров, которые объединены принятием и продвижением общих ценностей современного либерализма, воплощенных во всех сферах общественного бытия (приоритет индивидуальных прав и свобод, конкурентная экономика, развитые институты гражданского общества, демократическое, правовое, светское и социальное государство). Ареал цивилизаций западного типа, по мнению автора, располагается в границах Северной Америки⁵ и ряда стран Западной Европы (Великобритании, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландов, скандинавских стран и др.), а также Австралии и Новой Зеландии. Автор замечает при этом, что о цивилизации Востока говорят, желая подчеркнуть отличия цивилизационных ценностей, исповедуемых в странах Азии и Северной Африки, от ценностей Запада. Но локальные цивилизации Востока

⁴ Первоисточником этого клише стала пресловутая «Россия в 1839 году» Астольфа де Кюстина, который писал о русских дворянах, что «немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами» [*Кюстин* 1996, с. 289].

⁵ В научных дискуссиях последнего времени высказываются соображения в пользу идентификации США в качестве отдельной цивилизации западного типа.

на порядок разнородней западных: так, индийскую, китайскую и многосоставную мусульманскую локальные цивилизации объединяет только то, что они – не Запад.

Автор показывает, что в отличие от имеющих хоть какую-то («размытую», по его определению) географическую привязку цивилизаций Запада и Востока, то, что именуют «глобальной (мировой) цивилизацией», пространственно аморфно и, по сути, является образом будущего надцивилизационного миропорядка, универсальными ценностями которого призваны стать либерально-демократические ценности родины глобализма – цивилизационной системы Запада. Характеризуя суть бытующих словосочетаний «цивилизация Модерна» и «цивилизация пост-модерна», В.Н. Лексин разъясняет, что в первом из них соединились признаки двух укрупненных периодов существования единой цивилизации Запада. Чаще всего к времени цивилизации Модерна относят эпохи новой и новейшей истории, характеризующиеся тотальной модернизацией и формированием современного индустриального фундамента цивилизации Запада, а также пietetа перед образованием и образованностью, перед сугубо рациональным мышлением и его воплощением в науке. Но в целом временные границы Модерна размыты: если А. Тойнби относил к нему преимущественно Новое время, то некоторые исследователи ведут отсчет этого периода с эпохи Просвещения.

Приход во второй половине XX в. цивилизации постмодерна был подготовлен не столько сменой пресловутого технологического уклада, сколько философскими новациями: учением о языке, воображении и символизме Ж. Лакана, теорией деконструирования Ж. Деррида, концепцией «ризомы» Ж. Делёза и Ф. Гаттари и другими, что «пришлось ко двору» идеологическому фундаменту постиндустриализма, общества потребления и информационного общества. Все это провоцировало появление нового типа отношений людей цивилизации постмодерна к окружающему миру и друг к другу, утверждение принципов неопределенности, приблизительности и фрагментарности (отсюда «коллажные» мышление и образность, особый интерес не к целостности, а к мозаичности, к ее разломам и окраинам, к лимесу), пренебрежение канонами, торжество аморализма, аллегоричности, игрового и клипового мышления и т.п. Главенство машины над человеком (одно из главных обвинений позднему Модерну) сменилось властью электронных средств коммуникации, сбора и обработки информации, виртуализации действительности. И все это уже стало являть не только в мире цивилизации Запада, но и в русском мире.

Русская религиозность и семейные ценности

Обстоятельно и взвешенно рассмотрены в книге вопросы русской православности – расхожего клише русской цивилизации («русские, значит, православные», «русский народ – богоносец» и т.п.). Автор, давно и системно изучающий этот вопрос и неоднократно публиковавший результаты своих исследований (в том числе в журнале «Мир России»), пишет, что он «с немалым смущением представляет читателю текст этой главы, поскольку ни по одному аспекту существования (или несуществования, или бытия в прошлом) русской цивилизации нет столько противоречивых мнений, как по вопросу о месте православия в жизни *современного* русского человека и его государства. Еще больше разногласий по поводу того, что

есть религиозность в *современном* ее виде и что есть опять же *сегодняшняя* вера. <...> Думаю, что еще ни разу за тысячелетнюю историю русского православия идеалы Святой Руси не входили в столь сильное противоречие с реальностью» [Лексин 2016, с. 536]. Результаты самостоятельного изучения причин и следствий этой ситуации автор дополняет материалами богословских трудов и новейших работ социологов и религиоведов. Как и в остальных главах, он представляет портрет не идеализированного верующего времен Святой Руси, а *современного* русского православного, сопоставляя его убеждения и поведение с тем, как веруют и как (в связи с этим) живут в России многочисленные иноверцы (в первую очередь мусульмане) и инославные (католики и протестанты).

Заметим, что автор критически относится к состоянию современной русской православной религиозности и повторяет слова Патриарха Алексия II о том, что России нужна вторая христианизация. В книге с опорой на репрезентативную информационную базу показано, что воцерковленных православных в России не более 2%. Русские уступают мусульманам в религиозном единении, все более уходят в группы новых религиозных движений, в том числе неоязыческих [Лексин 2016, с. 546–547, 594–608]. Вскрывая причины этих явлений, автор документированно показывает снижение уровня религиозности русского населения в самых крупных его странах. Он фиксирует, что уже во второй половине XIX в. православную традицию в среде светски образованных людей «разъедали симптомы раздвоенного сознания: “научный” мистицизм, эзотеризм, оккультизм и т.п. “плоды просвещения”, а в среде “простых людей” – представления о практической ненужности прежней церковности. <...> Это было типичным явлением, подтверждением чего служат слова церковного историка об аналогичной ситуации среди солдат царской армии: “после освобождения Временным Правительством солдат от обязательного исполнения обрядов и таинств Церкви процент солдат, записанных православными и соблюдавших таинство причастия, сократился с почти 100 в 1916 г. до менее 10 в 1917 г.”». «Не потому ли “большевистской безбожной власти”», – задается вопросом автор, – удалось так легко справиться с остатками массового православия в первые же послереволюционные годы?» [Лексин 2016, с. 542].

В.Н. Лексин отмечает, что многие современные прихожане имеют или высшее, или, как минимум, среднее профессиональное образование, и под своды храмов их приводит отнюдь не дремучая безграмотность. Таковы же и их пастыри, среди которых выпускники престижнейших вузов и кандидаты всевозможных наук. Перемены (в том числе – грядущие) в жизни Церкви автор во многом связывает с тем, что «она практически вся состоит из “новоначальных”», то есть из «либо вспомнивших о том, что их крестили в младенчестве, либо недавно принявших Святое Крещение и еще не укоренившихся в вере и не всегда ясно представляющих суть таинств и символику обряда. <...> Современная православная церковь в России вырастает из новоначальных, и лет через десять в храмах останутся только те, кто не нес креста исповедания Христа в Советском Союзе, и те, у кого не было отцов и матерей, пострадавших за веру. От того, каковы новоначальные в наше время, будет полностью зависеть качество нашей церкви через десятилетия, а сегодня от них во многом зависит *качество* диалога верующих и неверующих» [Лексин 2016, с. 551–553].

Следует признать, что на протяжении многовековой российской истории русское православие выступало одним из ценностных компонентов национальной идеи. Очевидно, что назрела необходимость разговора о современных духовных

скрепах российской самобытной цивилизации и о том, насколько именно сегодня вопросы общественного развития могут быть связаны с духовными параметрами русской самобытной цивилизации. Это становится тем более необходимым и потому, что все чаще раздаются призывы сделать все возможное «для обеспечения мировоззренческого вклада русской цивилизации в построение мирной и справедливой жизни на нашей планете» [Русское мировоззрение митрополита Кирилла]. Одновременно следовало бы вспомнить и слова А.С. Панарина об опасности невозстановимости духовной традиции [Панарин 2005].

Анализируя кризисное состояние современной русской цивилизации, автор одним из его признаков-последствий считает новейший кризис русской семьи, в основе которого находится «скептическое отношение современных русских людей ко всем без исключения смысловым основаниям института семьи» [Лексин 2016, с. 328]. Это действительно так, поскольку институт семьи и демографическая сфера в целом являются сущностной характеристикой любого цивилизационного пространства. Ученые Центра по изучению цивилизаций при Университете Париж-Х, предложив изучать цивилизации как двойственную реальность – объективную (результаты деяний человека и институты) и субъективную (общество и типы поведения человека), выделили присущую для каждой цивилизации собственную модель личности, включив в нее институт семьи [Michaud, Mark 1981, pp. 22–23, 110]. В рамках семиотического подхода к изучению цивилизаций французский социальный антрополог Клод Леви-Стросс включал в характеристики цивилизационного пространства, наряду с языком, экономическими отношениями, искусством, наукой, религией, и нормы супружеских отношений [Наринский 1995, с. 23].

Заключение

Подводя итоги размышлений по поводу прочитанного, нельзя не приветствовать владимирскую глубинку, где в течение нескольких отпускных периодов автором была написана рецензируемая книга: не исключено, что именно русская провинция своим размеренным существованием способствовала появлению этой книги. И, конечно, приходится только сожалеть, что забота об интересах читателя, отвыкшего от общения с большими печатными текстами, побудила автора сократить эту замечательную книгу (фактически первую отечественную энциклопедию жизни цивилизаций и современного русского мира) в пять (!) раз.

Для В.Н. Лексина русская цивилизация сегодня – все еще реальная общность «постепенной утратой цивилизационных ценностей» [Лексин 2016, с. 781]. Не секрет и то, что механизмом реализации современной российской политики выступает децивилизация, то есть утрата многовековых ценностных накоплений российской государственности. Сегодня, когда противоборства государств дополняются конкуренцией цивилизаций, их потенциал определяется не только государственной дееспособностью и возможностями быстрой мобилизации всех ресурсов, но и притягательностью культурных ценностей и эффективностью цивилизационного освоения собственного пространства.

Все еще бытующее представление о неполноценности России в сравнении с Западом, подразумевающее отрицание ее цивилизованности вообще или, по край-

ней мере, ее периферийность, исходит из логики цивилизационного противостояния. Следует прислушаться к словам Н.А. Бердяева о том, что не стоит русскую самобытность смешивать с русской отсталостью [Бердяев 1989, с. 65]. Ведь если отказаться от западно-центрического взгляда на Россию, придется признать, что в своей истории она добилась феноменально многого: сохранила национальную независимость, освоила огромную территорию и создала разветвленные структуры государственности, включая успешную интеграцию других народов и формирование влиятельной национальной культуры.

Современная этнология признает решающее значение этнических ядер в формировании наций, государств и цивилизаций. Не вызывает сомнений, что носителем цивилизационного потенциала России выступал и продолжает выступать русский народ. Но оценки фактической роли русского народа должны вести не к жажде преференций, а к осознанию необходимости опоры на собственные цивилизационные накопления. И при этом нельзя не согласиться с автором: «<...> слава Богу, что ни разу в своей истории русский народ не стремился к созданию русского моноэтнического государства или русских национальных республик в составе Российской Федерации. Мы не настолько слабы, чтобы нуждаться в государственной моноэтничности» [Лексин 2016, с. 384].

Главной проблемой русской цивилизации в ее иноцивилизационном окружении является то, что для нее, неразрывно связанной с православной традицией свободы выбора, становится неприемлемой логика унифицированного мира. Когда адепты западного цивилизационного пути говорят о его безальтернативности, они тем самым отрицают само право народов на выбор их исторической судьбы. Другое дело, *«хотят ли русские в своей массе оставаться русскими осознанно и в ясном понимании того, что это означает»* [Лексин 2016, с. 783].

Надеюсь, что вдумчивый читатель найдет в этой книге не только ответы на интересующие его вопросы, но и поставит перед собой немало новых. Книга В.Н. Лексина будоражит мысль. Можно (хотя и трудно) не соглашаться с авторскими положениями, выстраивая собственную доказательную логику, но для этого пришлось бы, по крайней мере, подойти к исследованию проблемы «судьбы цивилизаций и русский вопрос» столь же фундаментально и системно, как это сделано В.Н. Лексиным.

Литература

- Бердяев Н.А. (1989) Судьба России // Родина. № 2. С. 62–66.
Бирлайн Дж. (1997) Параллельная мифология. М.: Крон-Пресс.
Ильин И.А. (1993) Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. «Наши задачи»: Статьи 1948–1950 гг. М.: Русская книга.
Кюстин А. (1996) Россия в 1839 году. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
Лексин В.Н. (1) (2005) Мир человека в пространстве власти: Россия как новое «социальное государство» // Мир России. № 3. С 3–65.
Лексин В.Н. (2) (2005) Пространство власти и мир человека // Мир России. № 1. С. 3–61.
Лексин В.Н. (2008) «Другие»: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. № 1. С. 147–188.
Лексин В.Н. (2009) Россия как светское государство: религиозные объединения в секулярном обществе // Мир России. № 2. С. 141–171.

- Лексин В.Н. (2010) Умереть в России // Мир России. № 4. С. 124–161.
- Лексин В.Н. (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. № 4. С. 3–39.
- Лексин В.Н. (2014) Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. № 2. С. 6–37.
- Наринский М.М. (ред.) (1995) Современные теории цивилизаций (реферативный сборник). М.: ИВИ РАН.
- Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара (2009) // Россия в историческом и мировом пространстве. Выпуск 2. М.: Научный эксперт.
- Панарин А.С. (2005) Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН.
- Радбиль Т.Б. (2012) Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта, Наука.
- Русское мировоззрение митрополита Кирилла // ПРАВАЯ.RU // <http://www.pravaya.ru/dailynews/7218>
- Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства. Материалы научного семинара (2009) // Россия в историческом и мировом пространстве. Выпуск 4. М.: Научный эксперт.
- Хить Г.Л. (1983) Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А. (1990) Расовая дифференциация человечества. М.: Наука.
- Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) (2015) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России».
- Huntington S.P. (1993) The Clash of the Civilizations? // *Foreign Affairs*, vol. 72, no 3, pp. 22–49.
- Michaud G., Mark E. (1981) *Vers une Science des Civilisation*, Bruxelles: Complexe.

Russian Civilization: Reality and Prospects

Book review: Leksin V.N. (2016) *Šud’by tsivilizatsij i russkij vopros: opyt sistemnoj diagnostiki* [The Fate of Civilizations and the Russian Question: the Experience of System Diagnostics], Moscow: LENAND.

I. ORLOV*

***Igor Orlov**—Doctor of Science in History, Professor, Deputy Head, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: iOrlov@hse.ru

Citation: Orlov I. (2017) Russian Civilization: Reality and Prospects. *Mir Rossii*, vol. 26, no 3, pp. 194–212 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-194-212

Abstract

The idea of placing the study of the Russian nation in the broader context of civilization studies, which is implemented in Leksin’s book, is both original and successful. The depth of Leksin’s analysis is remarkable: nearly 1000 relevant publications were reviewed in addition to the authors’ personal research contributions in this field. Leksin’s approach is based on the

following three provisions: (1) civilizations must be understood as real historical phenomena with distinct characteristics and unique life cycles, (2) Russia is a multicivilizational structure (the author himself applies the notions of ‘a confederacy of civilizations’ and ‘a civilization conglomerate’): even though Russian civilization forms the core and plays the role of a binding entity in this conglomerate, other civilizational components are recognized not as subordinates, but as complementary civilizations, regardless of their size and passionarity; (3) Russian civilization is characterised as currently undergoing a major crisis and, perhaps, the most powerful transformation in its history.

The book presents the results of a systemic analysis of multiple aspects of Russian civilization, including the national mentality, the demographic and spatial characteristics of the ‘Russian world’, the state of the Russian language, Russian culture and religiosity. Leksin masterfully examines the possible causes and effects of the currently extremely weak national identity of the Russian people, the paradoxes of their addiction to disparaging self-assessments, and the puzzlingly painful attitudes toward the ‘grim’ pages of the past (which the author characterizes as ‘ethno-masochism’).

One of the key sections of the book discusses the conditions which maintain the existence of civilizations and cause their demise. By analysing an impressive set of historical facts Leksin argues that civilizations do not cease simply because they fall prey to stronger opponents. Rather civilizations become victims of their own weaknesses, they retreat from the founding civilizational values and the distinctive features which distinguish them from other civilizations. The current weakness of Russian civilization is the disdain and scepticism of many Russians towards their core civilizational values which took centuries to shape, i.e. their neglect of the Russian language, their indifference to the expansionist attitudes of other civilizations, and the strange sense of shame towards their own national mentality.

Key words: civilizations, Russian civilization, national identity, mentality, Russian language, culture, religion, variability

References

- Berdyaev N. (1989) Sud’ba Rossii [Russia’s Fate]. *Rodina*, no 2, pp. 62–66.
- Bierlein J.F. (1997) *Parallel’naya mifologiya* [Parallel Myths], Moscow: Kron-Press.
- Custine A. (1996) *Rossiya v 1839 godu. V 2 T.* [Russia in 1839. In 2 vols], Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyykh.
- Huntington S.P. (1993) The Clash of the Civilizations? *Foreign Affairs*, vol. 72, no 3, pp. 22–49.
- Il’in I.A. (1993) *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 2. Kn. 1.* «Nashi zadachi»: Stat’i 1948–1950 gg. [Collected Works: in 10 vols. 2. B. 1. ‘Our Missions’: Articles 1948–1950], Moscow: Russkaya kniga.
- Khit’ G.L. (1983) *Dermatoglifika narodov SSSR* [Dermatoglyphics of the USSR], Moscow: Nauka.
- Khit’ G.L., Dolinova N.A. (1990) *Rasovaya differentsiatsiya chelovechestva* [The Racial Differentiation of the Humanity], Moscow: Nauka.
- Leksin V.N. (1) (2005) Mir cheloveka v prostranstve vlasti: Rossiya kak novoe «sotsial’noe gosudarstvo» [The World of Man in the Space of Power: Russia as a New ‘Social State’]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 3–65.
- Leksin V.N. (2) (2005) Prostranstvo vlasti i mir cheloveka [The Space of Power and the World of Man]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 3–61.

- Leksin V.N. (2008) «Drugie»: veruyushchie i neveruyushchie v povsednevnoj zhizni [‘Others’: Believers and Non-Believers in Their Everyday Life]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 147–188.
- Leksin V.N. (2009) Rossiya kak svetskoe gosudarstvo: religioznye ob’edineniya v sekulyarnom obshchestve [Russia as a Secular State: Religious Groups in a Secular Society]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 141–171.
- Leksin V.N. (2010) Umeret’ v Rossii [To Die in Russia]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 124–161.
- Leksin V.N. (2012) Russkaya tsivilizatsiya: opyt sistemnoj diagnostiki [Russian Civilization: Experience of System Diagnostics]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 3–39.
- Leksin V.N. (2014) Yazykovaya reprezentatsiya russkoj tsivilizatsii [Linguistic Representation of Russian Civilization]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 6–37.
- Michaud G., Mark E. (1981) *Vers une Science des Civilisation*, Bruxelles: Complexe.
- Narinskij M.M. (ed.) (1995) *Sovremennye teorii tsivilizatsij (referativnyj sbornik)* [The Modern Theory of Civilizations (Abstract Collection)], Moscow: IVI RAN.
- Natsional’naya ideya i zhiznesposobnost’ gosudarstva. Postanovka zadachi. Materialy nauchnogo seminar (2009) [The National Idea and the Viability of the State. Formulating the Problem. Research Seminar Report]. *Rossiya v istoricheskom i mirovom prostranstve* [Russia in the Space of History and the World]. Issue 2, Moscow: Nauchnyj ekspert.
- Panarin A.S. (2005) *Russkaya kul’tura pered vyzovom postmodernizma* [Russian Culture and the Challenge of Postmodernism], Moscow: IPh RAS.
- Radbil’ T.B. (2012) *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [The Basics of the Lingual Mentality], Moscow: Flinta, Nauka.
- Russkoe mirovozzrenie mitropolita Kirilla [The Russian Philosophy of Metropolitan Kirill]. *PRAVAYA.RU*. Available at: <http://www.pravaya.ru/dailynews/7218>, accessed 31 May 2017.
- Sotsiogeneticheskie i politekonomicheskie korni Rossii kak obshchestva, strany, gosudarstva. Materialy nauchnogo seminar (2009) [The Socio-genetical and Political-economic Roots of Russia as a Society, Country and a State. Research Seminar Report]. *Rossiya v istoricheskom i mirovom prostranstve* [Russia in the Space of History and the World]. Issue 4, Moscow: Nauchnyj ekspert.
- Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) (2015) *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Discussion Materials], Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii».